

кто часто защищал их свободу и свободу города, они тащили их за собой с веревкой, затянутой вокруг шеи, словно рабов. Там раб гнал перед собой своего хозяина, здесь слуга — своего купца, крестьянин — стратига, батрак — стратиота¹⁰⁶. Такие меры приводили в ужас правящие классы. Они взывали о помощи и видели в классовой борьбе только разврат, беспорядки и незаконные устремления черни. Григорий Палама, глава исихастов, обратился с елейной речью к горожанам, когда они запретили ему — архиепископу Солуни — въезд в город. Он пытался им разъяснить, что у них нет врагов, кроме них самих, и что Кантакузину и динатам ничего не нужно, кроме спокойствия и порядка в стране и процветания города. „Кто рыскает по городу, разрушает здания, тащит из домов имущество, выслеживает (*βινηλαθοῦντες*) в дикой ярости их хозяев и убивает их безжалостно и бесчеловечно (*φονῶντες ἀνηλεῶς τε καὶ ἀπανδρώπως*)? Разве это не те, кто живет в городе? Кто те люди, на которых обращают они злобу, ненависть и дикую ярость? Разве это не те, кто живет в городе и делает ему добро? Какие страдания, какое горе! Город сам с собой воюет, сам себя побеждает, изгоняет своих жителей, отдает их жилища дикой злобе на растерзание. Лучшие пали, а ремесленники и дурные люди (*τοῦ βαναύσου καὶ χείρονος... μέρους*) захватили власть и совершают недобрые дела“¹⁰⁷. Вот где зарыта собака: захват власти „убогими“ был для апостола исихастов камнем преткновения! На ужасные преступления турецких союзников своего друга Кантакузина он закрывает глаза: на священные основы государственного порядка турки не посягали, в отличие от низов, руководимых зилотами. И самым страшным для правящих классов было то, что эти события могли послужить для других примером. Теологический противник Паламы Димитрий Кидонис откровенно говорит об этом: „Солунь выступала учителем других городов в деле народной борьбы против аристократов“¹⁰⁸. Палама старался убедить зилотов и их приверженцев в том, что их деятельность богопротивна, так как она приводит к разврату. Те, кто не отказывается от раздоров и междоусобиц, теряют человеческое естество и превращаются в зверей: „Так из преступления возникает гражданская война и смута, несущие с собой всевозможные дурные дела, и нет меры злобе мятежников и их главарей, которые уподобляются зверям“¹⁰⁹. Эти упреки и обвинения врагов свидетельствуют, что политика зилотов задевала самые важные для них вопросы: собственность на средства производства и политическую власть. Андрей и его партия противопоставляли старому общественному порядку следующие положения.

1. Власти имеют право принимать все меры, которые они считают необходимыми для удовлетворения нужд населения.

2. Они могут расходовать деньги, отобранные у граждан, вопреки их желаниям.

3. Их поступки не должны противоречить узаконенным местным обычаям, а, наоборот, во всем им следовать¹¹⁰.

Ради блага народа они готовы были разбить все оковы. „Тем, кто служит общественному благу (*τοὺς ἐπιμελητάς τῶν κοινῶν*), позволено все,

¹⁰⁶ Dēmétrios Cydonès. Occisorum Thessalonicae Monodia (PG, t. 109, col. 645, 648, 649).

¹⁰⁷ PG, t. 151, col. 12 sq. В ВВ, I, 1947 (стр. 265 сл.) Б. Т. Горянов опубликовал рукопись № 69/212 Государственного исторического музея, относящуюся к третьей четверти XIV в., которая, однако, не дает существенных разночтений сравнительно с изданием Миня. Описание рукописи — там же, стр. 263.

¹⁰⁸ Цит. по Р. Charanis. Internal strife in Byzantium in the fourteenth century. Byz., vol. 15, 1940/41, p. 217.

¹⁰⁹ PG, t. 151, col. 13.

¹¹⁰ J. Ševčenko. Op. cit., p. 94, 9. 1—6.